

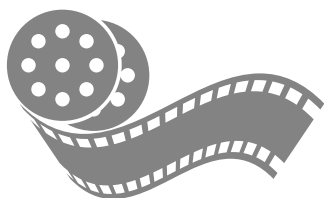
ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> Неприятность	7
<i>Глава 2.</i> Литературные бездны	21
<i>Глава 3.</i> Герои и злодеи	33
<i>Глава 4.</i> Ялта	44
<i>Глава 5.</i> Постоялец	61
<i>Глава 6.</i> Ночные грезы и утренние кошмары	73
<i>Глава 7.</i> Человек с пистолетом	88
<i>Глава 8.</i> Киношники	98
<i>Глава 9.</i> Новое лицо	105
<i>Глава 10.</i> Салат	113
<i>Глава 11.</i> Гости	123
<i>Глава 12.</i> Паутина лжи	138
<i>Глава 13.</i> Выстрелы в ночи	151
<i>Глава 14.</i> Белый автомобиль	163
<i>Глава 15.</i> Сплетни и факты	175
<i>Глава 16.</i> Фотограф	188
<i>Глава 17.</i> Нападение	198
<i>Глава 18.</i> Старые счета	207
<i>Глава 19.</i> Гурзуф	218
<i>Глава 20.</i> Гроза	231
<i>Глава 21.</i> Убийство	241
<i>Глава 22.</i> Свидетель	251
<i>Глава 23.</i> Части головоломки	259
<i>Глава 24.</i> Станные речи	267
<i>Глава 25.</i> Санаторий	279
<i>Глава 26.</i> Апельсиновый закат	290
<i>Глава 27.</i> Горящее море	299
<i>Глава 28.</i> Генуэзская крепость	316
<i>Глава 29.</i> Алмазная гора	329
<i>Глава 30.</i> Слишком много неизвестных	338
<i>Эпилог.</i> Три месяца спустя	346

*Данный роман является вымыслом.
Любое сходство с реальными людьми
или событиями непреднамеренно и случайно.*

ГЛАВА 1

Неприятность

Однажды летом 1927 года на ялтинской набережной имело место чрезвычайное происшествие: из подкатившей машины — белого, замечу, цвета — вышел хорошо одетый господин, достал из кармана револьвер и без всяких околичностей приставил его к затылку девушки, которая стояла тут же и любовалась морем.

Девушка живо обернулась и, увидев сконфуженное лицо обладателя револьвера, залилась веселым смехом.

— Нет-нет-нет! — взволнованно закричал плечистый брюнет, подбегая к странному господину с револьвером и еще более странной барышне, которая ничуть не испугалась вида оружия, которое, судя по всему, собирались обратить против нее. — Все не так!

Это была любимая фраза режиссера Винтера. Услышав ее, члены съемочной группы заулыбались.

— Лёка! Побольше серьезности, ну что вы, в самом деле? Это важнейшая сцена, поймите, важней-

шая! Финал первой серии... Эндрю, тьфу, Андрей! Решительней надо, понимаете? Вы же убеждены, что девушка, которая вам нравится, участвовала в убийстве вашего отца... — Он сыпал словами, жестикулировал, даже показал актеру Андрею Еремину, как именно надо держать револьвер. — Чтобы все зрители ахнули! Чтобы они с нетерпением ждали выхода второй серии... понимаете? Чтобы они гадали, убьете вы ее или нет...

Солнце припекало нещадно. Рубашка Винтера была вся в пятнах от пота. Оператор Эдмунд Адамович Нольде, франт и щеголь, всегда ходивший в безупречном костюме-тройке, и тот дошел до того, что снял пиджак и ослабил галстук. Члены съемочной группы пытались спрятаться в тень, но ее было мало и хватало лишь для того, чтобы поставить несколько стульев. Сидя на одном из них, комик Федя Лавочкин вяло обмахивался номером «Известий» и, судя по утомленному выражению его круглого лица, давно исчерпал запас своих и чужих остроумий. Возле него Володя Голлербах, который играл в картине роль главного героя, уже несколько минут допивал квас, всячески оттягивая тот момент, когда в кружке покажется дно. Третьим стулом не без труда завладел немолодой гример Пирожков. Он сидел, поставив рядом с собой чемоданчик с принадлежностями своего ремесла, и терпеливо ждал, когда режиссер наконец закончит репетировать и велит гримировать актеров. В павильоне, конечно, все оказались бы уже давно загримированы, но по такой жаре, которая стояла сейчас, тон неизбежно начинал расплываться,

Глава 1. НЕПРИЯТНОСТЬ

его приходилось подправлять, и выведенный из себя Винтер приказал, чтобы на натуре актеров гримировали непосредственно перед съемкой.

— И когда все это кончится? — пробормотал себе под нос реквизитор Щелкунов и тяжело вздохнул. — У нормальных людей небось уже обед по расписанию, не то что у нас...

Те из съемочной группы, кому не хватило стульев, сгруппировались за спинами сидящих, ловя блаженные островки и клочки тени. У аппарата оставались только Эдмунд Адамович, его помощник Саша Деревянко с дощечкой — предшественницей современной хлопушки, на которой тогда отмечали всего лишь номер снимаемого кадра*, ассистент режиссера Петр Светляков с грудой папок и нервничающий помреж Вася Харитонов, который застыл с мегафоном в руках. В те времена в кино делали четкое различие между ассистентом режиссера и помощником. Ассистент считался кем-то вроде второго режиссера и полноправного коллеги, а помощник воспринимался исключительно как мальчик на побегушках. Но вовсе не сознание собственной незначительности в киношной иерархии терзало сейчас Васю. Лёка была его девушкой, она недавно дебютировала в кино и воспринимала все происходящее недостаточно серьезно, что лишний раз доказывал ее залиvistый смех на репетиции драматической сцены. А Борис Винтер, как все знали, обладал вспыльчивым харак-

* Кадр — в данном случае отрезок эпизода между двумя монтажными склейками.

тером. Вася с тревогой замечал, что Лёка плохо понимает, куда именно она попала. Господи, ведь это же такой шанс — получить даже второстепенную роль в фильме, которой суждено стать боевиком и которая уже сейчас вызывает такой интерес. Помреж оглянулся на цепь милиционеров в белом, они в нескольких десятках метров от него сдерживали толпу местных жителей и туристов, пришедших посмотреть на съемки. И ладно зеваки, но ведь уже вовсю гуляют слухи о том, что грядущая фильма* заинтересовала и немецких прокатчиков, и французов, и англичан, и...

— Эдмунд Адамович, вы позволите? — Вперед выступил импозантный Сергей Беляев, фотограф, командированный на съемки местной студией. — Сделаю-ка я ваше фото для прессы, пока солнце не ушло...

— Куда оно уйдет, — проворчал Нольде, поправив галстук и надевая пиджак. Подумав, он снял с головы белую кепку, которую не любил, но был вынужден носить здесь, чтобы не получить солнечный удар. — На небе ни облачка...

Фотограф, возившийся со своим аппаратом, усмехнулся.

— Сразу же видно, что вы недавно в Ялте... Тут никто ничего гарантировать не может. Вспомните хотя бы недавнее землетрясение...

Но вспоминать о том, что 26 июня Ялту, а вместе с ней и весь полуостров порядочно потрянуло, Ноль-

* В 1920-е годы слово «фильм» употреблялось почти исключительно в женском роде.

Глава 1. НЕПРИЯТНОСТЬ

де не хотел. Как назло, накануне он ухитрился отравиться чем-то несвежим, и Винтер был вынужден в тот день отменить съемки.

— Нет, ну ты не мог отравиться когда-нибудь в другое время, а? — бушевал Борис после того, как землетрясение окончилось. — Из-за тебя мы упустили такие кадры!

— Простите, товарищ Винтер, — кротко ответил оператор, и его голубые глаза колюче блеснули. — Виват.

Борис с подозрением взгляделся в его худое лицо, типичное для сухощавого блондина северных кровей, махнул рукой и, не выдержав, рассмеялся.

— Нет, ну ты подумай только: сколько людей гоняются за чем-нибудь таким... сенсационным! А у нас все из-под носа уплыло...

— Внимание, снимаю! — крикнул Беляев и припал к фотоаппарату.

Режиссер, закончив давать указания актерам, вернулся к камере и встал возле нее. Вася подал ему мегафон. Фотограф попросил разрешения снять Винтера и оператора вместе, но натолкнулся на отказ и отступил в тень, где стал вытирать платком выступивший на лбу пот.

— Кеша, возвращайся на исходную! — закричал Винтер в мегафон, обращаясь к водителю, сидевшему за рулем открытой белой машины, на которой прибыл герой Еремина. — Лёка! Андрей! По местам! Репетируем...

— Вам не кажется, что все это ужасно смешно? — не удержавшись, спросила девушка у Еремина, ко-

торый спрятал револьвер и готовился вернуться в машину.

Андрей обернулся, и она невольно задержала взгляд на его лице с правильными чертами.

— Нет, не кажется, — равнодушно ответил актер.

Он не имел в виду ровным счетом ничего обидного, но Лёка отчего-то приняла на свой счет — нет, не слова его, а интонацию. Девушке почудилось, что Еремин упрекает ее за то, что из-за нее им придется еще раз репетировать, а между тем солнце жжет так, что становится трудно дышать.

Хлопнула дверца — Еремин сел в машину, и Кеша, описав полукруг, отъехал на несколько десятков метров. Закусив губу, Лёка постаралась сосредоточиться. Вообще-то ее звали Ольга и в жизни она носила фамилию Скирда, но режиссер счел, что на афише такое имя смотреться не будет, и, ткнув наугад пальцем в карту мира, выбрал для дебютантки псевдоним Аден — по одноименному городу.

— Владимир Голлербах, Андрей Еремин, Федор Лавочкин, Нина Гриневская, — в упоении перечислила тогда Лёка Васе, — и Ольга Аден в боевике...

— Ну Гриневская-то точно будет первой стоять, — хмыкнул Вася. — Ты забыла, кто ее муж...

— Приготовились! Кеша, поехал! — загремел Борис в мегафон, после чего прильнул к глазку съемочного аппарата, проверяя, как сцена будет выглядеть на пленке.

В толпе зевак какая-то старушка, державшая в руке пожелтевший кисейный зонтик от солнца, охнула и сделала такое движение, словно собиралась перекреститься.

Глава 1. НЕПРИЯТНОСТЬ

— Ces gens-là me font peur*, — пожаловалась она по-французски стоявшей рядом седовласой худой даме в пенсне на черном шнурке.

— Que du bruit! — вздохнула вторая. — Je ne comprends pas pourquoi ils répètent toujours le même. Et la fille a une robe si courte...**

— Son petit chapeau blanc est assez beau quand même***, — строго заметила старая дама с зонтиком, чтобы оставить последнее слово за собой.

Лёка поправила свою белую шапочку (которая больше смахивала на панамку с узкими полями) и стала старательно смотреть на волны. Шум подъезжающей машины. Хлопает дверца. Шаги.

— Лёка, поворачивайтесь! — закричал Борис в мегафон. — Держимся серьезно, но не переигрываем! Вот так, хорошо! Репетиция окончена...

Пирожков шевельнулся на стуле.

— Можно гримировать? — спросил он, не веря своему счастью.

— Да, грим, и потом снимаем, — кивнул режиссер. — Руки, руки не забудьте! И вот что, Фома Лукич, шофера тоже загримируйте! Петя, дай-ка мне сценарий... Надо добавить туда пару крупных планов.

Ассистент раскрыл одну из папок и стал рыться в ней, ища нужные страницы. Пирожков усадил Еремина на свой стул и заученными движениями принялся наносить на лицо актера желтоватую смесь

* Эти люди меня пугают (*франц.*).

** Сколько шума! Не понимаю, почему они все время повторяют одно и то же. А у девушки такое короткое платье (*франц.*).

*** Зато ее маленькая белая шляпка довольно милая (*франц.*).

тона и пудры «рашель № 2», а затем — как требовали условия тогдашних съемок — подчеркнул брови и ресницы, навел темные тени под глазами и накрасил губы. Еремин терпел и только стоически улыбался Лёке, которая ждала своей очереди. Подошел шофер Кеша, поглядел на процесс гримировки, к которому никак не мог привыкнуть, несмотря на то что на съемках находился не первый день, и робко спросил:

— А может, меня не красить? Вряд ли кто из зрителей на меня смотреть будет...

— Ежели не красить, — строго ответил Пирожков, — у тебя кожа на пленке будет казаться темно-серой... — И он стал покрывать тоном шею и руки Еремина.

— Конец первой серии и начало второй, ну! — Борис начал сердиться на ассистента, который никак не мог отыскать нужные страницы.

— Уже нашел, — бодро отрапортовал Петя, протягивая ему отпечатанные на машинке листы, разлохматившиеся оттого, что их то и дело передавали из рук в руки и вносили в них какие-то загадочные пометки.

Режиссер пробежал глазами строки и карандашом с толстым грифелем стал вписывать в сценарий исправления, одновременно меняя кое-где нумерацию будущих монтажных кусков. Сам сценарий в то время выглядел примерно таким образом:

«675. Эндрю едет в машине.

676. Машина едет по улице.

677. Мэри на набережной, смотрит на море.